

Проблемы изучения пиктографического криминального письма экспертами-лингвистами

М.А. Грачев

*Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова
ул. Минина, 31а, 303155, Нижний Новгород, Россия. E-mail: ma-grachev@mail.ru*

В статье описывается малоизвестное, почти не описанное лингвистами пиктографическое криминальное письмо – татуировки. Автор анализирует трудности сбора материала, а также проблемы проведения лингвистической экспертизы. Между тем в настоящее время лингвистический анализ татуировок воров в законе крайне актуален в процессе сбора доказательной базы в борьбе государства против элиты преступного мира. В статье описываются экспертные ситуации, к которым привлекался лингвист-эксперт, приводятся характерные примеры, имеющие как прикладное, так и теоретическое значение для изучения данных полимодальных семиотических комплексов.

Ключевые слова: татуировка, вор в законе, пиктографическое письмо, лингвистическая экспертиза.

Problems of Studying Pictographic Criminal Writing by Linguistic Experts

M. Grachev

*Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov
31a Minina str., 31a, Nizhny Novgorod, Russia, 303155. E-mail: ma-grachev@mail.ru*

The article describes tattoos which are a relatively unknown pictographic criminal writing, understudied by linguists. The author analyzes the difficulties of collecting material, as well as the problems of carrying out linguistic expertise. At present linguistic analysis on tattoos of code-bound criminals are extremely relevant in the process of collecting evidence for the state to get control of the elite of the criminal world. The article describes the expertise situations in which the linguist-expert has been involved, provides typical examples that have both practical and theoretical significance for the study of these polymodal semiotic complexes.

Key words: tattoo, code-bound criminal, pictographic writing, linguistic expertise.

До сих пор татуировки криминальных элементов оставались вне поля зрения лингвистов. Имеются лишь немногочисленные высказывания о важности и актуальности их изучения. Они были объектом исследования криминалистов, психологов, литературоведов, хотя и в этих сферах изучение шло, в основном, на описательном уровне. Юрист Л. Мильяненко в 1992 году справедливо указывал: «Вряд ли какой-либо другой области в криминалистике было уделено так мало внимания, как изучению символики татуировок у судимых за уголовные преступления» [Мильяненко 1992: 7]. Прошло тридцать лет с момента этого замечания, но оно является актуальным и по сей день. Изменились тенденции при нанесении татуировок, наблюдается небывалое влияние как зарубежных, так и криминальных тату на законопослушное российское население, особенно на молодежь, но неизученность остается той же. Данный факт был отмечен и в наших ранних трудах [Грачев 1996: 3].

Нужно отдать должное ряду следователей и дознавателей, которые в последнее время обратились за помощью к некоторым лингвистам-экспертам, исследующим элементы тату в диахроническом аспекте. Особенно эта

активизация со стороны следственных отделов и ряда других силовых организаций проявилась после признания так называемых воров в законе организаторами и руководителями организованных преступных группировок (ОПГ), а группы под названием «АУЕ» («Арестантский уклад един»), созданной ворами в законе для привлечения молодежи, – экстремистской организацией.

В настоящее время перед лингвистами стоят следующие задачи: воссоздать и описать татуировки деклассированных элементов; проследить путь воровской татуировки в зависимости от развития криминогенных сообществ, в частности, воров в законе; определить отражение в татуировках мировоззрения уголовных элементов [Грачев 2021: 175].

Но существуют определенные трудности, связанные как со сбором пиктографического письма, так и с его изучением. Перечислим основные из них.

1) Пиктографическое письмо требует непосредственного объяснения от самих носителей, для которых обмануть сотрудника правоохранительных органов считается высшей доблестью. Например, изображение В.И. Ленина ими расшифровывалось в 60-70-е гг. XX в. как «Вождь Октябрьской революции». Но если лексемы, составляющие словосочетание, разместить друг под другом:

В
О
Р

– то получится «ВОР» – татуировка, характерная для воров в законе [Милюнянков 1992: 14]. Неслучайно на свои тела воры в законе 60-70 гг. XX в. иногда наносили письменный афоризм-лозунг: осуществляю закон большевиков: граблю награбленное. Согласно другим толкованиям, изображения В.И. Ленина и И.В. Сталина на теле уберегают их носителей от высшей меры наказания: в вождей Великой Октябрьской социалистической революции исполнители приговоров стрелять не будут. Таким образом, толкование смысла нательных пиктограмм встречает существенные затруднения.

2) Сбор материала представляет объективную трудность для лингвистов. Во-первых, изучение татуировок предполагает непосредственный контакт с деклассированными элементами, представляющими опасность для рядовых граждан. Во-вторых, обследование осужденных пенитенциарных учреждений следует согласовывать с рядом правоохранительных структур. В-третьих, осужденные имеют полное право не соглашаться на осмотр своего тела и не объяснять значение той или иной татуировки. И если все-таки осмотр происходит, то, как показывает практика, объяснение чаще всего бывает ложным. Использование материалов, собранных сотрудниками правоохранительных органов, также не может лечь в основу научного лингвистического анализа, поскольку для них важно исключительно современное значение пиктограммы, а не ее происхождение. Таким образом, анализ пиктографического материала, собранного другими лицами, может привести к существенным ошибкам. Например, автору статьи однажды пришлось настоять на личном осмотре тела обвиняемого: он, вор в законе, – и вдруг без типичной для их касты татуировки – распятого Христа. Тату была обнаружена на спине, очень удачно замаскированная на фоне семи куполов церковью (см. фотографию).

Ситуация в настоящее время осложняется еще и тем, что значительная часть уголовных тату уже теряет свое значение, а также происходит смешение криминальных татуировок с гражданскими.

3) Для знания точной семантики татуировок необходимо хорошо знать и другие элементы субкультуры преступного мира: арг, жесты и мимику, условные и тарабарские языки, клички, блатные песни и особенно воровские законы. Эти элементы настолько тесно связаны между собой, что наблюдается проникновение информации из одной системы в другую [Грачев 2009].

4) Учетные карточки в местах лишения свободы ведутся с перечислением всех татуировок их владельца. По ним можно установить связь одной татуировки с другой, время их появления, факты жизни. Однако, согласно правилам, документы с приметам преступников хранятся в ИУ не более десяти лет. Думается, что информацию о знаменитых уголовниках следует хранить как можно дольше, так как система татуировок на теле профессиональных преступников – своеобразный паспорт, фиксирующий этапы его биографии.

5) Татуировки используются в судебно-медицинских экспертизах при идентификации трупа. Но, к сожалению, для более четкого описания обнаруженных нательных символов не проводится комплексная судебная лингво-медицинская экспертиза, которая часто может оказать следствию существенную помощь. Наглядным примером является случай с толкованием смысла аббревиатуры «ЗГВ» на предплечье трупа молодого человека. Расшифровка сложносокращенного слова («Западная группа войск») позволила сузить круг поиска в целях его идентификации. Такая пиктограмма могла быть нанесена лицу, служившему либо в Польской Народной Республике, либо в Германской Демократической Республике.

Осужденные при нанесении татуировок чаще всего выбирают такие рисунки-символы, которые не только отражают их вкусы, желания, намерения, но и фиксируют определенные этапы их преступной деятельности: какое именно совершил преступление (убийство, кражу, изнасилование и т. п.), сколько имел судимостей, сколько лет пробыл в местах лишения свободы [Загребин, Добренко 2010: 58], какое положение занимает в преступной среде и другие факты биографии. Хотя, по мнению исследователя А. Бронникова, «истолковать татуированные знаки-символы нелегко, ибо они меняют свое содержание во времени и пространстве. Избранный сюжет, как правило, выражает желание, стремление обладать каким-то качеством, свойством, выделиться себя из общей среды» [Бронников 1998: 57].

Чтобы сделать качественную экспертизу, следует хорошо знать субкультуру криминального мира в диахронии, прежде всего – арг, клички, татуировки, блатные песни, условные обозначения, воровские правила поведения. Особую роль в настоящее время играют татуировки, которые могут явиться одним из доказательств принадлежности к вора в законе. Это высшая каста преступного мира, оказывавшая чрезвычайное воздействие на русскую преступность с конца 20-х гг. XX в. по настоящее время. Не случайно государство начало активно бороться с этим криминальным явлением. Статья 210.1 УК РФ гласит: «1. Создание преступного сообщества (преступной организации) в целях совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений либо руководство преступным сообществом (преступной организацией) или входящими в него (нее) структурными подразделениями, а равно координация действий организованных групп, создание устойчивых связей между ними, разработка планов и создание условий для совершения преступлений организованными группами, раздел сфер преступного влияния и (или) преступных доходов между такими группами – наказываются лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет со штрафом в размере до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового и с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет (часть 1 в ред. Федерального закона от 01.04.2019 N 46-ФЗ). Наиболее характерная пиктограмма, которая позволяет установить роль данного субъекта в преступном мире, – распятие. Другая характерная татуировка воров в законе – восьмиконечные звезды, нанесенные в районе ключиц. Это так называемый знак «отрицал» – осужденных, которые негативно относятся к тюремным порядкам в ИУ: нарушают режим, не выходят на работу, избивают сокамерников и прочее.

У непрофессиональных преступников и современной законопослушной молодежи татуировка – это способ демонстрации скорее какого-либо постулата или основного принципа жизни, чем события самой жизни, тогда как у воров в законе татуировки – это система, направленная на получение власти над рядовыми уголовниками и занятие высшего криминального положения. Степень воздействия татуировок уголовника на окружающих зависит от среды. Наиболее концентрирована преступная среда в пенитенциарных учреждениях. Именно там носитель воровских

татуировок может быть равным в группе воров в законе и хозяином над низшими кастами осужденных. Татуировки вора в законе могут устрашающе воздействовать на новичков (кинжалы, воткнутые в голову, кресты, могилы, кладбище). Кроме того, данные татуировки имеют и воспитательно-идеологический характер, иллюстрируют нормы поведения в криминальном мире. См., например, рисунок-аббревиатуру:

Аббревиатура ИРА образована путем сокращения выражения «иду резать актив». Актив – группа осужденных, которая активно сотрудничает с тюремной администрацией. В преступном мире существуют и позорящие татуировки, которые наносятся насильно за какой-либо унижающий, с точки зрения криминального мира, проступок. Так, в конце 40-х годов появилась криминальная тату в виде головы свиньи с надписью «Чушок-пекарь» или «чушок-вампир». Данное изображение наносили тем, кто был осужден за изнасилование лиц, не достигших совершеннолетия (ст. 117 Уголовного Кодекса РСФСР):

Точка, наколотая возле губ, синяк под глазом означают, что осужденный может совершать орально-генитальный контакт. Роза, выколота на бедре у женщины, обозначает пассивную лесбиянку.

У воров в законе тату – это логичная система постулатов и криминальных идей. Пиктограммы составляют систему, которая отражает криминальный рост преступника: его судимости, отношение к правоохранителям, заключения в карцер за несоблюдение правил тюремной администрации, нежелание трудиться, иметь стаж отбывания наказания в карцере. Все это должно отразиться в системе татуировок. Поэтому главным для лингвиста-эксперта, осуществляющего семантический анализ пиктограмм, должно быть знание субкультуры криминального мира: воровских правил поведения, аргументов, пословиц и поговорок криминального сообщества, тюремных песен, кличек и пр. Создание специализированного словаря, отражающего значения рисунков, слов, знаков и символов, – актуальная задача современной юридической лингвистики.

Литература

- Бронников А.Г. Тело-вернисаж. Татуированная преступность России: Учебное пособие для работников правоохранительных органов. Пермь, 1998.
- Грачев М.А. Жаргон и татуировки наркоманов: Краткий словарь-справочник. Нижний Новгород, 1996.
- Грачев М.А. Лингвокриминалистика. Нижний Новгород, 2009.
- Грачев М.А. Мифологемы в лингвистических жанрах криминальной субкультуры: диахронический аспект/ Sprachgeschichte und Sprachwandel im Slavischen. Трир, 2020. С.117-136
- Грачев М.А. Тайны забытой рукописи П.П. Ильина / Исследование жаргона преступников: монография. М., 2020.
- Грачев М.А. Процесс и пути перехода криминальных пиктограмм в законопослушную среду русскоязычного населения / Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное : сб. науч. ст. / отв. ред. Л.В. Рацибурская. М., 2021. С. 175-184.
- Загребин Д.В., Добренко М.А. Криминальная среда – объект деятельности оперативных подразделений ОВД. Учебное пособие. Пермь, 2010.
- Милянков Л.А. По ту сторону закона. СПб., 1992.

References

- Bronnikov, A.G. (1998) Body Opening Day. Tattooed Crime in Russia: A Study Guide for Law Enforcement Officials. Perm (in Russian).
- Grachev, M.A. (1996) Jargon and Tattoo Addicts: A Concise Dictionary. Nizhny Novgorod (in Russian).
- Grachev, M.A. (2009) Linguistic forensics. Nizhny Novgorod (in Russian).
- Grachev, M.A. (2020) Mythologemes in the linguistic genres of the criminal subculture: the diachronic aspect / Sprachgeschichte und Sprachwandel im Slavischen. Trier (in Russian).
- Grachev, M.A. (2020) Secrets of the forgotten manuscript of P.P. Ilyin / Investigation of the jargon of criminals: monograph. Moscow (in Russian).
- Grachev, M.A. (2021) The process and ways of transition of criminal pictograms into the law-abiding environment of the Russian-speaking population / Active processes in modern Russian: national and international: collection of articles. / ex. ed. L.V. Ratsiburskaya. Moscow, 175-184 (in Russian).
- Zagrebin, D.V., Dobrenko, M.A. (2021) The criminal environment is the object of activity of the operational divisions of the Internal Affairs Directorate. Textbook. Perm (in Russian).
- Milyanenkov, L.A. (1992) On the other side of the law. Saint Petersburg (in Russian).
-

Citation:

Грачев М.А. Проблемы изучения пиктографического криминального письма экспертами-лингвистами // Юрислингвистика. – 2021. – 20. – 9-13.

Grachev, M.A.(2021). Problems of Studying Pictographic Criminal Writing by Linguistic Experts. Legal Linguistics, 20, 9-13.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License
